

По следам Миклухо-Маклая

Путешествуя по миру, поэт тосковал по Родине

Наш земляк Константин Бальмонт известен всему миру как поэт-символист. Однако он был еще и неутомимым странником.

В 1905 году он побывал в Северной и Центральной Америке. А в 1912 году совершил почти годовую экспедицию по маршруту: Побережье Южной Африки, Тасмания, Австралия, Новая Зеландия, группы островов Тонга, Табу, Самоа, Фиджи, Новая Гвинея, Индонезия, Цейлон, Индия, Марсель... Взглянув на мир глазами поэта, отправимся и мы в путешествие по неведомым странам.

По просьбе директора музея

Во время подготовки к путешествию в южные страны Константин Дмитриевич Бальмонт переписывался с Дмитрием Николаевичем Анучиным – основателем и директором Музея антропологии Московского университета. Бальмонт получил от известного ученого ряд ценных сведений и рекомендаций. В одном из писем Анучин попросил поэта привезти какие-либо этнографические предметы. Потом в «Русских ведомостях» Анучин писал, что Бальмонт «вывез из посещенных им стран много интересного, потратив на то немало средств». Так благодаря творческому сотрудничеству Бальмонта и Анучина Московский университет стал хранителем более ста этнографических предметов из Австралии, Океании и Индонезии.

Путешествие Бальмонта продолжалось с 1 февраля до 30 декабря 1912 года. В письме Анучину поэт сетует: *«Слишком мало все же. Это было скорее не большое путешествие, а разведочная поездка. Конечно, будучи любопытствующим писателем и довольно опытным путешественником, я умел в несколько минут заметить многое...»*

Новая Гвинея

Бальмонт отправился в путешествие из Парижа, куда он уехал после 1905 года. Новые страны не уменьшили его тоски по родине. Многие из увиденного поэт невольно сравнивал с Россией. В одном из писем Анучину с Явы он писал: *«Лишь теперь, увидев страну Зулу и изумительный край Гавайики с его последними маори, и вольных самоанцев, и угрюмое Фиджи, и улыбочное Тонга, и сказочные Целебес, и оглушительно ярко*

ликующую Яву, я понимаю, почему Миклухо-Маклай, с детства меня пленивший, так возлюбил Папуа и был ими возлюблен. Я думаю, что сейчас на всем земном шаре есть только две страны, где сохранилась святыня истинной первобытности: Россия и Новая Гвинея. Когда, ступая как по святой земле, я шел в селение Анабада, на деревьях же скучивались каркающие вороны, точно я шел к русской деревне...»

Что же заинтересовало путешественника из предметов быта и культуры папуасов на Новой Гвинее. Это - пояса из древесной коры, украшенные резьбой. На некоторых из них стилизованные изображения человеческого лица. Такие пояса носили молодые мужчины, неестественно перетягивая ими туловище. Резные раскрашенные гребни, в создании которых, быть может, более всего проявились умение и фантазия папуасов. А еще, богато орнаментированные резные ложки, сосуды из скорлупы кокосового ореха, головные уборы из перьев, оружие... Всего на Новой Гвинее Бальмонт приобрел для коллекции более сорока предметов.

В многочисленных, подчас восторженных записях, посвященных путешествию, Бальмонт мало и совсем в другой тональности говорит об Австралии. Он сравнивает ее положение с положением Тасмании: *«Неуютная Тасмания. На этом острове английские поселенцы бесчисленно истребили всех тасманийцев. И проклятие как бы застыло здесь в воздухе».*

«То же самое сделали Белоликие англичане с Черными туземцами Австралии. Отобрав у Черных земли и превратив царство Черных в пастбище для баранов и в фабричные города, англичане систематически истребили туземцев и свели их действительное существование на нет. Сознав уцелевших туземцев на определенные стоянки, англо-австралийские власти, заботясь теперь об этих вымирающих, - совершенно так же как с безоглядной жадностью истребив несчетные стада кенгуру, они теперь заботятся, чтобы этот редкий зверь, оставшийся в скудных числах, не вымер окончательно».

Поэт путешествовал по Юго-Восточной Австралии, в области, прилегающей к реке Муррей. Земли эти уже давно и основательно были заселены европейцами. Там Бальмонт приобрел для коллекции пять предметов австралийских аборигенов: палицу, наконечник остроги, ожерелье и два бумеранга.

Танцы в честь поэта

Новая Зеландия круто изменила настроение поэта, знакомство с маори привело его в восторг. Он поражен искусством этого народа: *«Великолепные резчики по дереву, они строили или еще строят себе резные дома-храмы, где в причудливых узорах изображают свои отвлеченные представления, свои легенды, поэтическую летопись своей души. Любя татуировку, они достигли в этом искусстве такого совершенства, как ни один народ в мире, и сложный узор их лиц есть целая художественная наука. Маори вырезали свои палицы из тяжелого дерева, из китовой кости, из ценного камня зеленчака, и каждая такая палица, по-майорийски - мэрэ, есть узорная поэма изящества и силы».*

А дальше Бальмонта ждали острова Самоа. В своих путевых записках поэт рассказывает о посещении самоанского вождя. *«Вот мы входим к одному вождю в его круглый дом. Нас встречают как почетных гостей и старых знакомых. Скрестив ноги, мы сидим на циновках, мужчины и женщины. Самоанцы любят красноречие. Я забыл, что, едва мы вошли и сели, нам предложили пьянящего напитка, он называется кава. Его готовят из корней особого растения перцовника. Приготовление его целый ритуал. Когда готова первая чаша, - большая чаша, сделанная из кокосового ореха, - эту самую первую чашу предлагают самому почетному гостю, возглашая его имя. Легкое опьянение от белесоватой кавы совершенно не затемняет сознания, а лишь делает его более обостренным, но не хочется двигаться, хочется быть в блаженной сосредоточенности.*

Затем мы идем в селение Афенга, там собрались все окрестные вожди со своими женами и дочерьми. Мы снова сидим в созерцательном круге. Жены и дочери вождей пляшут для нас. Женщины и девушки сидят в ряд и поют. Их пение без начала и без конца. Это точно всплески волн, срывные и какие-то беспричинные. Пляска сопровождается лишь покачиванием тел и медленным движением покачиваемых рук. Певуче пляшут руки сперва, потом напев делается все оживленнее и оживленнее. В нем звучит возрастающая страсть. Вдруг женщины вскакивают и начинают плясать всем телом, - глазами, головой, движениями, всем гибким качанием красивых тел, они являют поэму страсти».

С Самоа Бальмонт привез чаши для кавы, ожерелья, плетеный веер, орнаментированные резные палицы, модели лодок. Несколько предметов в коллекциях Бальмонта с Фиджи, Соломоновых островов, из Индонезии, Индии и с Цейлона.

После возвращения в Россию поэт опубликовал свои путевые заметки, а также океанские мифы и легенды в различных газетах и журналах. Выступал во многих городах России с лекциями об Океании.

В 1920-х годах во Франции Бальмонт готовил к печати книгу «Океания, Полинезия, Ява, Япония. Путевые очерки». Но она не была издана.

[Ссылка на публикацию](#)